

«ВСЕ МОЕ ЧУВСТВО СОСТОИТ ИЗ ПОЭЗИИ»,

— признавался Иван Бунин

Свое шестидесятилетие Иван Алексеевич отметил публикацией самого крупного своего произведения — романа «Жизнь Арсеньева», метко названного в одном из откликов «вымышленной автобиографией». Понятия на первый взгляд несовместимые, но это только на первый взгляд. В «Жизни Арсеньева» Бунин действительно писал о себе, но под его пером и люди, и события волшебным образом преображались. Это относится и к пятой книге романа, посвященной любви Арсеньева. Героиню зовут Ликой, подлинное же имя этой женщины — Варвара. Варвара Владимировна Пащенко...

Началось все в Орле, в редакции местной газеты, взявшей под свое крылышко двадцатилетнего поэта. Довольно быстро стал своим человеком, и вот однажды «вышла к чаю утром девица высокая, с очень красивыми чертами лица, в пенсне. Я даже сначала покосился на нее: от пенсне она мне показалась как будто гордо и фатовато».

Это — из письма Бунина брату Юлию; в романе никакого пенсне нет, зато фигурирует картуз, который Лика отняла у засмущавшегося, собравшегося уходить поэта. После чего села за пианино и сыграла «Собачий вальс».

«Словом, я ушел из редакции только в три часа, совершенно изумленный, как быстро все это произошло: я тогда еще не знал, что эта быстрота, исчезновение времени есть первый признак начала так называемой влюбленности».

Так в романе, в реальности же дело произошло несколько медленней. День минул, другой, неделя — ничего особенного. Переломным в отношениях молодых людей оказался вечер, когда Бунин увидел Варю Пащенко на любительской сцене. Она показала ему прекрасной. Это был конец июля, а уже в середине августа, двенадцатого числа (сохранилось письмо, где он подробно описывает этот день) состоялась решающее объяснение.

«... Мы все сидели на балконе. Ночь была темная, теплая. Мы встали и пошли гулять с Пащенко по темной акациевой аллее. Заговорили. Между прочим, держа ее под руку, я тихонько поцеловал ее руку».

Варя не отняла руки. Осторожно спросив, уж не влюблен ли он в нее часом, и, услышав утвердительный ответ, призналась, что, кажется, тоже может полюбить. Если уже не любит... Во всяком случае, временами ей так кажется.

«У меня сердце замерло. А она вдруг порывисто обняла меня и... уж обычно... а даже не сразу опомнилась! Господи! Что это за ночь была!»

Спустя сорок лет Бунин опишет эту ночь в романе. «Поздно ночью мы, точно сговорившись, встали из-за стола и сошли с балкона в темноту сада, она остановилась в его теплой черноте и, прислонясь спиной к дереву, протянула ко мне руки, — я не мог разглядеть, но тотчас угадал их движение...»

Гуляя до утра, до тех пор, пока не «стал светел весь сад от огромного золотистого востока, раскрывшегося за ним над желтыми полями за речной низменностью... Потом мы стояли на обрыве над этой низменностью, и она, глядя на солнечно разгорающийся небосклон и уже не замечая меня, пела «Утро» Чайковского».

Сначала дочь ни о чем не говорила им, конспирацию соблюдала, но однажды в поезде, по дороге в Елец, куда она ехала с матерью и тайным своим возлюбленным, у того разболелись зубы. «Я лег, — писал после брату Бунин, — и Варя стала укрывать меня пледом и целовать меня, ласкать. В это время подошла мать! Мы, разумеется, не стали отрицать. Разумеется, на другой день вышел скандал...»

В романе этой сцены нет, зато есть другая, тоже в поезде. «Вагон был старый, высокий, на трех парах колес; на бегу, на морозе, он весь гремел и все падал, валился куда-то, скрипел дверями и стенками, замерзшие стекла его играли серыми алмазами... Мы были уже где-то далеко, была поздняя ночь... Все произошло как-то само собой, вне нашей воли, нашего сознания...»

А после? После она «встала с горячим, ничего не видящим лицом, поправила волосы и, закрыв глаза, недоступно села в угол...»

Тогда они стали — без венчания, без отцовского благословения, без одобрения матери — мужем и женой. Окружающие и воспринимали их так, ибо жили они, ни от кого не таясь, открыто и трудно. Трудно не только материально — первое время не было даже мебели, на полу спали, — но и психологически. Это, правда, уже позже, когда пообжились, поосмотрелись, он даже устроился на работу.

«Ты говорила мне, что за последнее время я изменился, изменился к худшему... стал будто бы меньше любить тебя; неправда!.. По целым дням и ночам, во сне, как живая стоит предо мною моя ненаглядная девочка!»

Написал и сам почувствовал: не то, фальшиво — что-то, а слух на живое слово у Бунина был, — и тотчас прибавил: «Не смущайся, бесценная, милая Варенька, что последняя фраза звучит несколько непросто! — дорога моя! Я в таком настроении, что я фразирую и стараюсь только покрасивей выразиться».

Что может женщина ответить на такое? «Как ты все всегда преувеличиваешь!» — говорит Лика в романе, и то же самое говорила — наверняка говорила! — реальная Варвара Пащенко.

Когда-то, мечтая о будущей семейной жизни, юный Бунин торжественно обещал «буду я тебя убаюкивать, буду целовать твои утомленные глазки...» Реальность, увы, оказалась куда суровой. Суровой не только нарисованной им идиллии, но и того, что описано в романе. Вот что рассказывает об их жизни сама Варвара Владимировна.

«За последнее время особенно часты и резки стали ссоры с Ваней; сначала я и сама придерживалась

пословицы: «Милые бранятся, и каждая наша ссора кончалась хорошим миром, теперь же эти ссоры участились и мы, буквально, миримся для того, чтобы вновь поссориться».

Так писала она летом 1892 года брату Бунина Юлию Алексеевичу, единственному человеку, с которым могла быть откровенна (родители по-прежнему не признавали ее не освященного церковью самовольного брака). Юлий, надеялась она, способен хоть как-то повлиять на Ивана.

«Поверьте мне, что я его очень люблю и ценю, как умного и хорошего человека, но жизни семейной, мирной у нас не будет никогда. Лучше, как мне ни тяжело, теперь нам разойтись, чем через год или полгод. Это, согласитесь, будет и труднее и тяжелее. Сама я не могу этого ему сказать, потому что достаточно мне принять серьезный тон, чтобы у него явилось озлобление, он начинает кричать на меня, и дело кончается истерикой, как, например, вчера, когда он бросился на пол в каменных сенях и плакал...»

Все-то понимает она, все ясно видит... Видит, что долго так продолжаться не может, что никто ей не поможет, и — решается на разрыв. Прощальная записка ее, переданная через брата, была короткой: «Уезжаю, Ваня, не поминай меня лихом».

Брат не тотчас вручил эту страшную бумажку, медлил, оттягивал грозную минуту. «... Он не сразу передал мне, все сперва подготавливал меня, — и с большой невольностью, — наконец решился, скупно заплакал и подал».

Далее в романе следует текст записки, куда более пространной, нежели в действительности. Неудивительно! За лаконичной фразой — «Уезжаю, Ваня, не поминай меня лихом» — скрывалось гораздо, гораздо больше. И он, разумеется, прочел это.

«Не могу больше видеть, как ты все дальше и дальше уходишь от меня, не в состоянии продолжать переносить оскорбления, которые ты без конца и все чаще наносишь моей любви, не могу убить ее в себе, но не могу и не понимаю, что я дошла до последнего предела унижения, разочарования во всех своих глупых надеждах и мечта, молю Бога, чтобы он дал тебе сил пережить наш разрыв, забыть меня и быть счастливым и в своей новой, уж совсем свободной жизни...»

Он бросился ее искать. К отцу ее бросился — куда же еще! — к доктору, но в дом доктора его не пустили.

Скоро Бунин узнал, что Варя не просто ушла, а ушла к другому, к сыну елецкого помещика (и будущему актеру) Арсению Бибикиву.

К другому! Навсегда! Замуж вышла...

шла... Неужели замуж? Когда он услышал об этом, у него, по собственному его словам (на письме, правда, отсутствует дата — в таком состоянии писал), у него «зашумело в ушах и голова похолодела, и почти бегом бегал три часа по Ельцу, около дома Бибикива, расспрашивал про Бибикива, где он, женился ли».

Женился, ответили ему. «На Пащенко...»

Все стало быть, правда. С трудом добрался до вокзала — «быть одному мне было прямо страшно», и здесь, на вокзале, у него хлынула носом кровь. Обессиленно на скамью опустился...

Он, конечно, знал Арсения Бибикива, хорошо и давно знал, даже, было дело, слегка ревновал к нему Варю, но, признался сорок лет спустя в прощальном своем романе, «ему не приходило в голову, что у нее могли быть (и есть) тайные... чувства и мысли».

Роман, помнит читатель, заканчивается смертью героини. Не замужеством, а смертью, что, впрочем, для брошенного одно и то же. Не потому ли на ее действительную смерть — а Варвара Владимировна умерла первого мая 1918 года в Москве, где тогда жил и Бунин, к тому времени уже женатый, — не потому ли на ее взлелеянную смерть отреагировал с его самого удивившим спокойствием? О чем свидетельствует запись в дневнике.

«Весь день и в момент этого известия у меня никаких чувств по поводу этого известия. Как это дико! Ведь какую роль сыграла она в моей жизни! И давно ли это было — она, молоденькая, мы приехали с ней в Полтаву... Ехали — в Харькове на вокзале поцеловала у меня руку и...»

Далее запись в дневнике обрывается, но спустя много лет рассказ продолжил жена писателя Вера Николаевна Муромцева-Бунина; именно она ездила проститься с покойной — Иван Алексеевич сделать это отказался.

«Вечером я поехала одна на квартиру Бибикивых, — они жили далеко, где-то у Красных Ворот. Панихиды не было. Покойница лежала исхудавшая, маленькая, помолодевшая, — я сразу же представила ее в пору их романа».

В соседней комнате, описывает далее Вера Николаевна, суетились какие-то женщины, трещала на примусе яичница... Бунин, видимо, предполагал, что увидит нечто подобное и — не захотел видеть, поостерегся. «Все мое чувство, — признается он в одном из писем, — состоит из поэзии». И он, настанет час, воплотит эту поэзию в удивительные страницы.

«Я видел ее смутно, но с такой силой любви, радости, с такой телесной и душевной близостью, которой не испытывал ни к кому никогда».

Руслан КИРЕЕВ.

PS:

10 октября исполняется 125 лет со дня рождения писателя